

КЛАССИФИКАЦИЯ ПОДХОДОВ К РАСКРЫТИЮ СОДЕРЖАНИЯ
ПРИНЦИПА НАИБОЛЕЕ ТЕСНОЙ СВЯЗИ

Т. В. Новикова

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета
правосудия (г. Краснодар)

Поступила в редакцию 27 июня 2020 г.

Аннотация: рассматриваются подходы к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи, выступающего универсальным принципом решения коллизионного вопроса в международном частном праве. Предлагается выделять принцип наиболее тесной связи в узком (территориальном) и широком (дополненном материально-правовыми соображениями) смысле. Подвергается критике субъективный подход к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи.

Ключевые слова: коллизия, решение коллизионного вопроса, принцип наиболее тесной связи, территориальная локализация, автономия воли, гипотетическая воля.

Abstract: the paper considers approaches to the contents of closest connection principle which is the universal choice of law rule in Private International Law. The author offers to distinguish closest connection principle in the narrow (territorial) sense and in the wide (supplemented with material law considerations) sense. The author criticizes subjective approach to the contents of closest connection principle.

Key words: conflict, choice of law, closest connection principle, territorial localization, autonomy of will, hypothetical will.

Принцип наиболее тесной связи
в международном частном праве

Принцип наиболее тесной связи – универсальная формула, используемая для решения основной задачи международного частного права (далее – МЧП), отыскания правопорядка, компетентного регулировать частноправовое отношение с иностранным элементом. Получив импульс к развитию в теории оседлости правоотношения Ф. К. фон Савиньи¹ и терминологическое оформление в исследовании Дж. Уэстлейка², объективный тест наиболее близкой и реальной связи (англ. *the closest and most real connection*) был провозглашен английской судебной практи-

¹ См.: Friedrich Carl von Savigny, *Private International Law. A Treatise on the Conflict of Laws, and the Limits of Their Operation in Respect of Place and Time*, translated, with notes, by William Guthrie (Edinburgh: T. & T. Clark, Law Publishers; London: Stevens & Sons, 1869).

² См.: John Westlake, *A Treatise on Private International Law with Principal Reference to its Practice in England*, 3rd ed. (London: Sweet and Maxwell Limited, 1890).

кой второй половины XX в., начиная с решения Тайного совета по делу *Bonython and Others v. Commonwealth of Australia*³.

Принцип наиболее тесной связи получает закрепление в законодательстве многих государств. Например, § 1 Федерального закона Австрии о международном частном праве 1978 г., который называется «принцип наиболее прочной связи», гласит, что «содержащиеся в ... законе отдельные правила о применимом правопорядке (отсылочные нормы) рассматриваются как выражение этого принципа»⁴. Примечательно, что и в редакции данного закона 2018 г. изложенное положение сохранилось без изменений⁵.

В Российской Федерации принцип наиболее тесной связи получает закрепление в качестве общей резервной коллизионной привязки (п. 2 ст. 1186 ГК РФ) и специальной коллизионной привязки: резервного характера – на случай невозможности определения правовой системы внутри страны с множественностью таких систем (ст. 1188 ГК РФ), основного – для смешанного договора (п. 10 ст. 1211 ГК РФ) и договора в отношении недвижимого имущества (п. 1 ст. 1213 ГК РФ), а также в качестве корректирующей оговорки для договорных правоотношений, регламентируемых п. 1–8 ст. 1211 ГК РФ (п. 9 ст. 1211 ГК РФ).

В отношении содержания принципа наиболее тесной связи необходимо указать, что, будучи центральной идеей механизма коллизионно-правового регулирования, он не может не эволюционировать сообразно тому, как эволюционируют подходы к решению коллизионного вопроса в целом. Как следствие, тенденция к материализации МЧП⁶ оказала существенное влияние на данный принцип. Будучи в классическом прочтении построенным на строго территориальной локализации правоотношения, принцип наиболее тесной связи сообразно развитию теоретических представлений в области МЧП в целом трансформировался, аккумулировав самые значимые материально-правовые соображения, заслуживающие учета уже на этапе решения коллизионного вопроса.

Существенное значение для понимания принципа имеет постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации». «При определении наиболее тесной связи суд», во-первых, устанавливает «преобладающую тер-

³ *Bonython and Others v. Commonwealth of Australia*, the Privy Council of the United Kingdom [1951] A.C. 201; 66 T.L.R. (Pt. 2) 969.

⁴ Федеральный закон Австрии о международном частном праве 1978 г. // Международное частное право : иностранное законодательство / сост. А. Н. Жильцов, А. И. Муранов ; предисл. А. Л. Маковского. М., 2001. С. 158–167.

⁵ Федеральный закон Австрии о международном частном праве 1978 г. (в ред. 2018 г.). URL: <https://pravo.hse.ru/data/2019/02/19/1191564160/%D0%90%D0%B2%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%8F%20%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%20%D0%BE%20%D0%9C%D0%A7%D0%9F.pdf> (дата обращения: 01.05.2020).

⁶ О тенденции к материализации коллизионного права и учете «материально-правовых нормообразующих факторов в ходе формирования коллизионных норм» см.: *Асосков А. В.* Основы коллизионного права. М., 2017. С. 213–286.

риториальную связь»; во-вторых, «также может принимать во внимание, применение права какой страны позволит наилучшим образом реализовать общепризнанные принципы гражданского права и ... его институтов»⁷.

Вместе с тем важно обратить внимание на два значимых обстоятельства. Во-первых, изложенное разъяснение строго формально распространяется только на применение принципа наиболее тесной связи по смыслу п. 2 ст. 1186 ГК РФ, что оставляет открытым вопрос о содержании данного принципа при реализации в качестве специальной коллизионной привязки или корректирующей оговорки. Во-вторых, практика применения судами России отдельных норм МЧП, требующих непосредственного обращения к принципу наиболее тесной связи, свидетельствует, что во многих случаях содержание указанного принципа получает весьма лаконичное отражение в судебных актах.

Так, в отношении корректирующей оговорки п. 9 ст. 1211 ГК РФ, которая позволяет суду в исключительных случаях⁸ отклониться от установленной законом коллизионной нормы, показательным является Решение Арбитражного суда г. Москвы. По спору из контракта, поставщиком по которому являлась предположительно китайская компания⁹, суд заключил: «Спор подлежит рассмотрению по законодательству Российской Федерации на основании п. 9 ст. 1211 ГК РФ»¹⁰. Однако какие-либо причины (условия или существо контракта либо совокупность обстоятельств дела), по которым суд «считает договор явным образом более тесно свя-

⁷ О применении норм международного частного права судами Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 // Рос. газета. 2019. 17 июля.

⁸ Когда «из закона, условий или существа договора либо совокупности обстоятельств дела явно вытекает, что договор более тесно связан с правом иной страны» (п. 9 ст. 1211 ГК РФ).

⁹ Место нахождения или основной деятельности компании не было указано в решении, однако поскольку суд отметил, что Россия и Китай участвуют в Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров (Статус текстов: Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 1980 год) – Официальный сайт ЮНСИТРАЛ. URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/salegoods/conventions/sale_of_goods/cisg/status (дата обращения: 01.05.2020)) и указанная Конвенция применима на основании подп. «а» п. 1 ст. 1, который гласит, что «Конвенция применяется к договорам купли-продажи товаров между сторонами, коммерческие предприятия которых находятся в разных государствах: ... когда эти государства являются Договаривающимися государствами» (Конвенция о договорах международной купли-продажи товаров от 11 апреля 1980 г. (г. Вена) // Вестник ВАС РФ. 1994. № 1), можно предположить, что компания ANHUI IMPORT AND EXPORT CO. LTD., поставившая товар в адрес ООО «РУСБАЛТ», рассматривалась судом как компания, коммерческое предприятие которой находится в Китае.

¹⁰ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 1 октября 2018 г. по делу № А40-152375/2018. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

занным с правом»¹¹ Российской Федерации (а не правом Китая, к которому должна была отослать коллизионная норма п. 1 и подп. 1 п. 2 ст. 1211 ГК РФ), не были отражены в решении. Процитированный вывод суда первой инстанции был без изменений воспроизведен и поддержан судом апелляционной инстанции¹². Примечательно, что в обеих инстанциях ответчик заявлял «о невозможности применения для разрешения спора норм материального права РФ», однако такой довод ответчика суды обеих инстанций посчитали необоснованным и отклонили¹³.

Изложенное позволяет констатировать актуальность и практическую значимость классификации подходов к раскрытию содержания анализируемого принципа в отечественной литературе.

Степень разработанности данного вопроса ограничивается преимущественно трудами А. В. Асоскова и рядом диссертационных исследований, посвященных принципу наиболее тесной связи полностью или в части (В. В. Буланова, Р. М. Ходыкина, А. А. Шулакова и др.). При этом все указанные работы были подготовлены до принятия постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации», в котором принцип наиболее тесной связи получил разъяснение в широком смысле (как территориальная локализация, обогащенная материально-правовыми факторами).

Наконец, вслед за Ф. К. фон Савиньи¹⁴ мы придерживаемся позиции, в соответствии с которой трактовка содержания принципа наиболее тесной связи на уровне законодательного (как фактора формирования содержания коллизионных норм) и правоприменительного (как общей или специальной коллизионной привязки и корректирующей оговорки) процессов должна быть единой¹⁵.

¹¹ Пункт 36 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» требует от суда указания причин, «по которым он считает договор явным образом более тесно связанным с правом иной страны».

¹² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18 февраля 2019 г. № 09АП-62467/18. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

¹³ В итоге суд разрешил спор на основе применимых норм Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров, в которой участвуют Россия и Китай, и, кроме того, указал, что руководствовался рядом статей ГК РФ (по всей видимости, в качестве субсидиарного статута).

¹⁴ Ф. К. фон Савиньи выдвинул тезис, согласно которому законодательная точка зрения в значительной степени совпадает с судебной в тех вопросах, которые законодательство оставило в существенной мере для научной разработки (см.: Friedrich Carl von Savigny, *Private International Law. A Treatise on the Conflict of Laws, and the Limits of Their Operation in Respect of Place and Time*, translated, with notes, by William Guthrie (Edinburgh: T. & T. Clark, Law Publishers; London: Stevens & Sons, 1869)).

¹⁵ В современной отечественной литературе данная точка зрения получает широкое признание (см., например: Асосков А. В. Основы коллизионного права. С. 315–316; Ходыкин Р. М. Принципы и факторы формирования содержания коллизионных норм в международном частном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М.,

Термин «наиболее тесная связь»

В отношении термина «наиболее тесная связь» необходимо указать, что его использование обусловлено двумя факторами. Во-первых, именно этим термином оперирует отечественное законодательство. В частности, п. 2 ст. 1186 ГК РФ говорит о праве страны, с которой отношение «наиболее тесно связано». Во-вторых, что закономерно вытекает из первого, этот термин широко используется в отечественной юридической литературе¹⁶.

При этом Р. М. Ходыкин подчеркивает, что использует «термин “наиболее тесная связь” как собирательный, понимая под ним все проявления общей концепции связи правоотношения с правом одной или нескольких стран, претендующих на регулирование этих отношений»¹⁷. Соглашаясь с ученым в том, что принцип наиболее тесной связи действительно в общей форме выражает связь права и отношения при постановке коллизионного вопроса, вместе с тем, возразим, что *наиболее* тесная связь может быть только с *одним* правопорядком, но не с несколькими. Примечательно, что изложенное критическое замечание находит подтверждение в словах того же автора: «Тесная связь может быть и с несколькими правопорядками, а *наиболее* тесная и реальная связь – только с *одним*» (курсив наш. – Т. Н.)¹⁸.

Принцип наиболее тесной связи в узком и широком смысле

Наиболее известной классификацией подходов к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи является классификация А. В. Асоскова, который выделяет три подхода: коллизионный (территориальный), субъективный и материально-правовой¹⁹. Приведенная классификация имеет под собой существенные основания, однако, с нашей точки зрения, требует корректировки.

Принцип наиболее тесной связи в его узком смысле – в том виде, в каком английская судебная практика сформировала объективный тест на основе формулы *Bonython*²⁰, – построен исключительно на территориальной локализации правоотношения (что соответствует территориальному подходу в классификации А. В. Асоскова). Однако в ходе своего последующего развития, проникая во многие государства мира, при за-

2020. № 4

2005. С. 11 ; Шулаков А. А. Принцип наиболее тесной связи в международном частном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 9).

¹⁶ Достаточно упомянуть две специально посвященные исследуемому вопросу диссертации: Буланов В. В. Категория наиболее тесной связи в международном частном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012 ; Шулаков А. А. Принцип наиболее тесной связи в международном частном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

¹⁷ Ходыкин Р. М. Принципы и факторы формирования содержания коллизионных норм в международном частном праве. С. 133.

¹⁸ Там же. С. 146.

¹⁹ См.: Асосков А. В. Основы коллизионного права. С. 301–316.

²⁰ *Bonython and Others v. Commonwealth of Australia*, the Privy Council of the United Kingdom [1951] A.C. 201; 66 T.L.R. (Pt. 2) 969.

конодательном закреплении или на уровне правоприменительной практики принцип наиболее тесной связи в той или иной мере обогащался достижениями других доктринальных подходов к решению коллизионного вопроса. Степень такого обогащения, конечно же, зависит от конкретного государства, особенностей его доктрины и практики в области международного частного права. Тем не менее наблюдаемое повсеместно расширение (дополнение) территориального ядра содержания принципа наиболее тесной связи позволяет говорить об исследуемом принципе в широком смысле, в котором территориальный подход дополняется различным набором материально-правовых критериев (что с существенной долей условности – поскольку речь идет не об одном подходе, а об их комбинации – соответствует материально-правовому подходу в классификации А. В. Асоскова).

Как следствие, принцип наиболее тесной связи именно в обозначенном широком смысле становится универсальным средством решения коллизионного вопроса, содержательное наполнение которого в каждом конкретном государстве и в каждый конкретный исторический период определяется установками юридической доктрины и практики. Не случайно Р. М. Ходыкин, обращаясь к различным наименованиям исследуемого принципа («наиболее тесная связь, наиболее существенная связь, наиболее реальная связь, наиболее прочная связь, принцип близости, оседлость правоотношения»), заявляет: «Этими терминами выражается лишь основополагающая идея связи между правом и фактическим составом отношения, которое оно должно урегулировать»²¹. Далее автор столь же справедливо отмечает, что «краткие формулировки ... такие, как “применение права страны, с которой договор наиболее тесно связан”, со временем обрастают судебной практикой – складываются определенные подходы к применению таких концепций в различных обстоятельствах»²².

Таким образом, предлагаем выделять принцип наиболее тесной связи в узком (территориальном) и широком (дополненном тем или иным набором материально-правовых критериев) смысле.

Критика субъективного подхода к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи

В предлагаемом нами разграничении узкого и широкого смысла принципа наиболее тесной связи субъективный подход, указанный А. В. Асосковым, не нашел отражения. Примечательно, что А. А. Шулаков также указывает, что выделение субъективного подхода к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи «вряд ли можно назвать логичным и последовательным»²³. С нашей точки зрения, нецелесообраз-

²¹ Ходыкин Р. М. Принципы и факторы формирования содержания коллизионных норм в международном частном праве. С. 132.

²² Там же.

²³ Шулаков А. А. Принцип наиболее тесной связи в международном частном праве. С. 57.

ность выделения субъективного подхода определяется двумя главными обстоятельствами.

Во-первых, это связано с тем, что в исторически первом значении – как гипотетическая воля – субъективный подход был решительно отвергнут юриспруденцией. Так, начиная с середины XX в. английские суды, для которых гипотетическая воля длительное время составляла незыблемую коллизионную установку, последовательно и все более однозначно отвергали ее в пользу двух изолированных тестов: действительного намерения сторон и объективной наиболее близкой и реальной связи²⁴. А. В. Асосков со ссылкой на О. Ландо также подтверждает, что «аналогичным образом, и в других европейских странах (включая Францию, Германию, Швейцарию, Бельгию, скандинавские страны) *вплоть до середины XX в.* гипотетическая воля сторон играла важную роль» (курсив наш. – Т. Н.)²⁵.

Сокрушительная критика гипотетической воли характерна для советской юриспруденции. Так, Л. А. Лунц указывает, что в основе данной концепции лежит гипотеза «относительно того, как при данных обстоятельствах стороны разрешили бы вопрос о компетентном законе», в результате применения которой «воля сторон заменяется фикцией, прикрывающей по существу свободу судейского усмотрения при разрешении коллизий законов»²⁶. Недопустимость использования гипотетической воли для решения коллизионного вопроса широко признается и в современной отечественной литературе²⁷.

Наконец, непосредственно в отношении субъективного подхода к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи А. В. Асосков признает: «Важно, чтобы использование элементов субъективного подхода ... не превращалось в поиск так называемой гипотетической воли сторон»²⁸.

²⁴ См. формулу лорда Саймондса в решении Тайного совета по делу *Bonython (Bonython and Others v. Commonwealth of Australia, the Privy Council of the United Kingdom [1951] A.C. 201; 66 T.L.R. (Pt. 2) 969*), толкование лорда Диплока в решении Палаты лордов по делу *Amin Rasheed Shipping Corporation (Amin Rasheed Shipping Corporation v. Kuwait Insurance Co., the House of Lords of the United Kingdom [1984] A.C. 50*), позицию лорда Деннинга в решении Апелляционного суда по делу *Coast Lines Ltd. (Coast Lines Ltd. v. Hudig and Veder Chartering N.V., the Court of Appeal [of England and Wales] [1972] 2 Q.B. 34)*.

²⁵ Асосков А. В. Основы коллизионного права. С. 304.

²⁶ Лунц Л. А. Внешнеторговая купля-продажа. Коллизионные вопросы. М., 1972. С. 24.

²⁷ См., например: Бардина М. П. Диспозитивные и императивные начала в коллизионном регулировании РФ : учеб. пособие. М., 2009. С. 43 ; Современное международное частное право в России и Евросоюзе / под ред. М. М. Богуславского, А. Г. Лисицына-Светланова, А. Трунка. М., 2013. С. 439 (автор главы – М. П. Бардина) ; Стригунова Д. П. Проблема установления подразумеваемого выбора права, применимого к международному коммерческому договору // Право и экономика. 2018. № 7. С. 59–63. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁸ Асосков А. В. Основы коллизионного права. С. 305.

Во-вторых, в усовершенствованной форме – как отражающий интересы сторон – субъективный подход так или иначе опирается на содержание материально-правовых норм коллидирующих правопорядков и поэтому выступает в качестве одного из факторов материально-правового подхода, способного при определенных условиях обогатить территориальное ядро принципа наиболее тесной связи.

Так, Л. Раапе утверждает: «Привязка к гипотетической воле сторон в действительности является привязкой, произведенной при помощи взвешивания интересов»²⁹. Более того, придерживаясь в целом весьма объективного подхода (с опорой на природу сделки, а также характер и число «ее связей с тем или иным правопорядком») и критикуя концепцию гипотетической воли за порожденную ей неустойчивость судебной практики, правовед предлагает «отказаться от слов “гипотетическая воля сторон”» и «говорить о привязке, сообразной с интересами сторон и со значением этих интересов»³⁰.

При таком подходе оценка интересов сторон будет скорее не субъективной (поскольку, как минимум, на этапе уже возникшего спора интересы его сторон находятся в очевидном противоборстве), а объективной – понимаемой как обобщенная оценка заслуживающего учета интереса сторон, который, прежде всего, состоит в адекватном материально-правовом режиме отношения. Показательным примером выступает предпочтительность сохранения действительности сделки, которая диктуется общим интересом сторон, зависит от применимых материально-правовых норм и учитывается при выявлении наиболее тесной связи, на что указывает, в частности, разъяснение п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации».

Критика включения незначимых индикаторов воли сторон в содержание принципа наиболее тесной связи

Что же касается индикаторов воли сторон, которых оказалось недостаточно для вывода о достижении соглашения по вопросу применимого права, то, с нашей точки зрения, принцип автономии воли в современном международном частном праве устанавливает весьма либеральный стандарт *действительных* подразумеваемых соглашений, которые, оперируя терминологией ст. 1210 ГК РФ, определенно вытекают «из условий договора либо совокупности обстоятельств дела». Как разъясняет Пленум Верховного Суда РФ, индикаторами таковых признаются и ссылки в тексте договора «на отдельные гражданско-правовые нормы определенной страны»³¹, и наличие оговорки о применимом праве в другом тесно свя-

²⁹ Раапе Л. Международное частное право / пер. с нем. А. М. Гурвича ; под ред. и с предисл. Л. А. Лунца. М., 1960. С. 443.

³⁰ Там же. С. 444–445.

³¹ Это разъяснение отражает уже сложившуюся практику судов. Например, Арбитражный суд Северо-Западного округа, констатировав, что «договор о переступке прав требования ... содержит ссылки на положения Гражданского кодекса

занном договоре с участием тех же лиц, и ссылки на одно и то же применимое право «при обосновании своих требований и возражений» в суде³² (п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации»). В свете изложенного приходим к выводу, что если какие-то показатели намерения сторон не стали достаточными для установления *действительного* подразумеваемого, вытекающего «из условий договора либо совокупности обстоятельств дела», соглашения, то степень их выраженности настолько незначительна, что фактически сводится к нулю.

Идентичную позицию по этому вопросу заняла английская юриспруденция, категорически разграничившая тесты (и, соответственно, указатели) действительного соглашения сторон, с одной стороны, и наиболее близкой и реальной связи – с другой. Такое разграничение вытекает из формулы лорда Саймондса в решении Тайного совета по делу *Bonython*³³ и толкования лорда Диплока в решении Палаты лордов по делу *Amin Rasheed Shipping Corporation*³⁴. На доктринальном уровне принципиальный характер такого разграничения подчеркивают А. Джаффи³⁵ и П. Кинкейд³⁶.

Аналогичным образом подошла к решению коллизийного вопроса Римская конвенция о праве, применимом к договорным обязательствам, ст. 3 которой, как подчеркивается в отчете М. Джулиано и П. Лагарда, не позволяет суду в отсутствие явного намерения сторон определять выбор, который они могли бы сделать, поскольку в таком случае нужно использовать коллизийные нормы ст. 4³⁷. По этому вопросу А. В. Асосков

Литовской Республики», сделал вывод, что «суды правомерно применили к данной сделке положения законодательства Литовской Республики» (постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 4 июня 2019 г. № Ф07-4084/2019 по делу № А05-17605/2017. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс»).

³² Указанное правило ранее в качестве рекомендации по итогам обзора судебной практики сформулировал Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ – п. 13 Обзора (см.: Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с рассмотрением арбитражными судами дел с участием иностранных лиц : информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 158. Информационное письмо размещено на сайте ВАС РФ 26 июля 2013 г.).

³³ *Bonython and Others v. Commonwealth of Australia*, the Privy Council of the United Kingdom [1951] A.C. 201; 66 T.L.R. (Pt. 2) 969.

³⁴ *Amin Rasheed Shipping Corporation v. Kuwait Insurance Co.*, the House of Lords of the United Kingdom [1984] A.C. 50.

³⁵ Anthony Jaffey, “The English Proper Law Doctrine and the EEC Convention” (1984) *The International and Comparative Law Quarterly*, Volume 33, Issue 3.

³⁶ Peter Kincaid, “Rationalising Contract Choice of Law Rules” (1993) *Otago Law Review*, Volume 8, Issue 1.

³⁷ Report on the Convention on the Law Applicable to Contractual Obligations, by Mario Giuliano & Paul Lagarde // Official Journal of the European Communities. 31.10.80. № C 282/1.

цитирует ценный вывод В. Крейтенберга, согласно которому «принятие во внимание факторов субъективного характера, имеющих отношение к установлению намерений сторон договора, вообще противоречило бы системе Римской конвенции, которая основана на четком разделении прямо выраженных и подразумеваемых соглашений сторон о выборе применимого права, с одной стороны, и объективного определения применимого права с помощью коллизионных норм, с другой стороны»³⁸.

Нельзя не признать, что в литературе имеются отдельные комментарии о ценности намерений сторон, даже если они не достигли уровня действительного соглашения о применимом праве. Например, О. Ландо указывает, что субъективный метод получает применение в пограничной зоне между действительным подразумеваемым соглашением и полным отсутствием всякого намерения³⁹. Вместе с тем правовед также отмечает, что в соответствии с традиционной терминологией субъективной называется любая оценка намерений и интересов, принадлежащих сторонам в конкретном судебном деле⁴⁰. Не признавая значимость намерений (не достигших уровня действительного соглашения), мы, однако, не возражаем против учета общего интереса сторон, базирующегося, в первую очередь, на адекватности материально-правового режима отношения. Примечательно, что в качестве показателя намерения сторон О. Ландо называет применение права, объявляющего договор действительным⁴¹, которое мы предлагаем рассматривать как показатель общего интереса сторон, обусловленного, в первую очередь, содержанием применимых материально-правовых норм.

Таким образом, считаем, что такие предельно малозначимые показатели, как намерения сторон, не достигшие уровня действительного соглашения о применимом праве, нецелесообразно добавлять к и так значительному пулу показателей в поле оценки суда. Они становятся особенно излишними, если учитывать, что в классическом прочтении принцип наиболее тесной связи базируется на территориальной локализации, а все иные факторы (в том числе весьма значимые материально-правовые соображения) дополняют перечень оцениваемых параметров⁴². В таких

³⁸ Асосков А. В. Основы коллизионного права. С. 305–306. В настоящее время Римская конвенция о праве, применимом к договорным обязательствам, заменена Регламентом Рим I (Regulation (EC) № 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the Law applicable to Contractual Obligations (Rome I) // Official Journal of the European Union. 4.7.2008. L 177. P. 6–16).

³⁹ См.: Ole Lando, “The Conflict of Laws of Contracts. General Principles (General Course on Private International Law – 1985)” in *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, Volume 189, 1984-VI (Dordrecht; Boston; London: Martinus Nijhoff Publishers, 1988).

⁴⁰ См.: Ibid.

⁴¹ См.: Ibid.

⁴² Именно в таком ключе принцип наиболее тесной связи получил разъяснение в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации».

условиях попытка внести в этот перечень все возможные, даже самые слабо выраженные, индикаторы центра тяжести правоотношения только дезориентирует суд, нанося однозначный ущерб предсказуемости при решении коллизионного вопроса. В сложнейшем вопросе соотношения гибкости и предсказуемости коллизионного регулирования мы призываем поддерживать разумный баланс.

По итогам проведенного исследования предлагаем выделять принцип наиболее тесной связи в узком (территориальном) и широком (дополненном материально-правовыми соображениями) смысле. В современный период принцип наиболее тесной связи получает реализацию при решении коллизионного вопроса в широком смысле как территориальная локализация, дополненная учетом материально-правовых факторов (в числе которых – предпочтительность сохранения действительности сделки, защита слабой стороны и др.). Мы не поддерживаем выделение субъективного подхода к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи и полагаем, что при современном либеральном стандарте соглашений о применимом праве нецелесообразно включать в содержание принципа наиболее тесной связи незначимые (не достигшие даже минимального порога подразумеваемого соглашения) индикаторы воли сторон.

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Краснодар)

*Новикова Т. В., кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой международного права
E-mail: tnovikova@inbox.ru*

North Caucasian Branch of Russian State University of Justice (Krasnodar)

*Novikova T. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of International Law Department
E-mail: tnovikova@inbox.ru*